

Программа привлечения российских постдоков открывает прием конкурсных заявок

стр. 2

Академическая подвижность: почему ученые ездят на конференции?

стр. 3

Опыт чтения

стр. 8

Авторская колонка Алексея Вдовина

стр. 14

«Дети вышки»

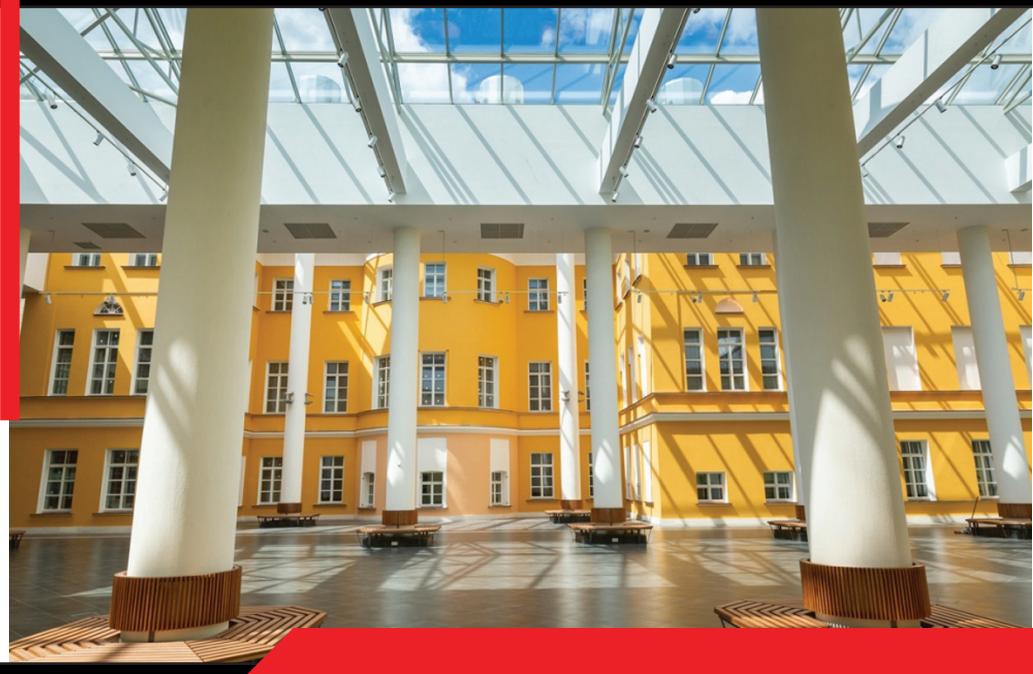
стр. 15

ОКНА РОСТА
ИЗДАНИЕ НИУ ВШЭ

Январь 2020 г. /№1/189

12+

Окна университета, открытого городу

Дорогие коллеги, откройте «Окна роста». Они теперь выглядят по-новому. Те, кто прочтет сегодня бумажный экземпляр первого выпуска 2020 года или пролистает его электронную версию, заметят новую верстку, новые цвета и фотографии. Изданию исполнилось десять лет, и мы решили обновить макет «Окон роста» и привести в соответствие форму и содержание. Мы движемся в сторону журнального формата, сохраняя при этом актуально-информационный характер большинства материалов. У нас появился и новый логотип – здание Вышки с большими окнами, открытыми городу и миру.

Наши традиционные приложения превратились в рубрики. Как и раньше, в «Окнах роста» вы найдете Академическую среду, Академический форум и Академическое чтиво, узнаете новое о Детях Вышки и Языках Вышки, ощутите Пульс Вышки и познакомитесь с Измерениями науки. Обязательно продолжится традиция авторских колонок. Мы сохраним все лучшее в издании и открываем «Окна» для новых рубрик и текстов!

Дополнительные к печатной версии материалы появляются на нашем сайте okna.hse.ru. Развернутые версии материалов, комментарии по актуальным сюжетам, удобный формат для чтения на компьютере или планшете – это теперь тоже «Окна».

Новый формат не меняет наши ценности и задачи. Мы по-прежнему будем рассказывать о происходящем в университете, о главных нововведениях и академических реформах, о работе наших академических инструментов – кадрового резерва, международных лабораторий, научных комиссиях факультетов, о НУЛах и о многом другом. Рассказы о жизни факультетов мы продолжим серией материалов об инициативах департаментов. Важное место будет занимать и аналитика – результаты, итоги программ и проектов, индикаторы достижений и проблем.

Смотрите на Вышку через «Окна роста». Оставайтесь с нами!

**Мария Юдкевич
Проректор НИУ ВШЭ**

Новая волна: программа привлечения российских постдоков открывает прием конкурсных заявок

*Работа в качестве постдока
НИУ ВШЭ уже на первых этапах
позволила сделать качественный
рывок в научной деятельности*

Программа привлечения российских постдоков открывает прием конкурсных заявок от подразделений НИУ ВШЭ.

Заявки от научных и образовательных подразделений университета будут приниматься до 1 марта. После этого конкурсная комиссия рассмотрит поступившие заявки, и с середины марта по июнь пройдет отбор заявок от кандидатов. Участники, прошедшие конкурсный отбор, будут приглашены на работу в Высшую школу экономики на должность научного сотрудника.

На сегодняшний день в университете работают 45 российских постдоков первого и второго года. Узнать о постдоках, работающих в Вышке, теперь можно на сайте «Российские постдоки НИУ ВШЭ»: postdocru.hse.ru/ruspostdoc.

Мария Козлова, научный сотрудник Лаборатории проектирования содержания образования Института образования:

«Участие в программе дает возможность расширить свой кругозор, продолжить научную работу, которую очень люблю [к сожалению, далеко не все ученые, работающие в области естественных наук, могут себе такое позволить в наши дни]».

Инна Чадова, научный сотрудник Научно-учебной лаборатории междисциплинарных эмпирических исследований НИУ ВШЭ – Пермь:

«Работа в качестве постдока НИУ ВШЭ уже на первых этапах позволила сделать качественный рывок в научной деятельности, чему во многом способствовали благоприятные условия, созданные в рамках данной программы. Постоянное внимание к постдокам, выражющееся в оперативной помо-

щи координаторов программы, проведении ссобраний с обсуждением насущных проблем, позволило более успешно адаптироваться к новой среде».

Новый конкурсный сезон программы начнется с изменений. Количество заявок на исследовательские проекты, которое может подать одно подразделение, больше не будет ограничено. Всего от подразделений университета будет отобрано максимум 50 конкурсных проектов, в которые будут привлекаться будущие российские постдоки. Их максимальный возраст в этом году составит 39 лет, а не 35, как это было в предыдущие годы работы программы.

Ознакомиться с Положением о Программе привлечения российских постдоков можно на ее сайте (postdocru.hse.ru), а задать все интересующие вопросы – по адресу postdoc.ru@hse.ru.

Академическая подвижность: почему ученые ездят на конференции?

Александр Чепуренко, профессор факультета социальных наук, руководитель департамента социологии

Как академическая мобильность влияет на развитие науки? Должен ли современный ученый ездить на научные конференции или он может ограничиться подготовкой статей? Какие форматы мероприятий предпочитают ученые из Вышки? Чем хороши конгрессы, форумы и симпозиумы? Сколько длится идеальный доклад? Можно ли « злоупотреблять» академической мобильностью? Своим мнением делятся профессора Вышки.

Я участвую в международных конференциях много лет и стараюсь делать это регулярно по следующим причинам: во-первых, международные конференции позволяют следить за изменениями в тематике, используемых объяснительных парадигмах и моделях гораздо лучше и получать представление о них быстрее, чем из соответствующей литературы: то, что сегодня проговаривается на конференции, в журналах появится, если повезет, года через два. Во-вторых, при всем обилии различных технологий и платформ, позволяющих ученым оставаться «видимым» для научного сообщества, конференции по-прежнему являются самым эффективным из таких средств. Это возможность обсудить какие-то проекты со старыми знакомыми и познакомиться с новыми интересными потенциальными партнерами.

Отношение к конференциям с возрастом и опытом, конечно, меняется. Начинаешь более придирчиво изучать список ключевых докладчиков и членов оргкомитета. Если никто из них не известен, то, скорее всего, на такую конференцию не станешь и заявляться. И если понимаешь, что конференция, судя по программе, в основном нацелена на аспирантов и постдоков, то также делаешь для себя соответствующие выводы. Наконец, постепенно формируется список ключевых конференций в твоей области, которые надо посещать по возможности обязательно.

Без участия в конференциях современный ученый развиваться не может. Хотя бы потому, что, к примеру, в моей области сегодня подавляющее большинство публикаций – результат коллабораций ученых из разных университетов и стран. И если не на конференциях, то

где же встретиться с партнерами (и познакомиться с потенциальными новыми соавторами) офлайн?

Самое важное на конференции – не столько представить свой доклад, сколько пообщаться с участниками в кулуарах. Стараюсь поэтому избегать крупных международных конференций «обо всем»: это, как правило, «ярмарки тщеславия», где обилие параллельных секций и сессий приводит к тому, что даже с теми участниками, которых следует послушать и с которыми надо обязательно встретиться и поговорить, в лучшем случае удается на бегу перекинуться парой приветствий. Кроме того, при большом количестве отдельных секций высока вероятность того, что в зале, кроме самих выступающих и председательствующего, больше почти никого не окажется. Соответственно, ни о какой содержательной и широкой дискуссии речи не будет: участники слишком сфокусированы на собственных выступлениях, а для модератора главное – уложиться в отведенное время. Гораздо эффективнее, на мой взгляд, участие в маленьких тематических конференциях с числом участников не более 100-150 человек: там каждый на виду, во время кофейных пауз, обедов и культурной программы успевашь поговорить с несколькими десятками потенциально интересных для тебя собеседников. Поэтому стараюсь выбирать для участия именно такие мероприятия – как правило, в Европе (потому что в моей области – теория предпринимательства – европейские исследователи весьма сильны, а потому на конференции сюда часто заглядывают и ведущие американские ученые).

Очень нравится такой редко встречающийся формат конференций, когда вместо заслушивания всех участ-

ников панели организуется обзор поступивших материалов, а потом – общая дискуссия по трем-четырем наиболее важным выявленным сквозным проблемам.

Евгений Фейгин, профессор факультета математики

Математические конференции – это в первую очередь возможность встретиться с коллегами и обсудить лично те или иные научные вопросы. Обсуждение может состояться в ходе представления собственного доклада, в рамках дискуссии после доклада коллеги или просто в перерывах между заседаниями. Участие в конференциях для активно работающих ученых чрезвычайно важно по нескольким причинам. Во-первых, это возможность рассказать коллегам о своих результатах и получить от них обратную связь в виде вопросов, критики, комментариев по поводу возможных приложений или потенциальных проблем. Во-вторых, это способ услышать из первых уст и понять то, что не удалось осознать при чтении статей, увидеть возможные пересечения с задачами, которые сам решаешь. Наконец, на конференции можно просто познакомиться с коллегами; такие знакомства в дальнейшем могут оказаться важными как с научной, так и с социальной точки зрения.

В математике подавляющее большинство статей пишется небольшими коллективами (2-3 человека) или вообще без соавторов. Это, в частности, связано с тем, что основная работа происходит при самостоятельном обдумывании задачи. Однако это обдумывание может быть более эффективным в присутствии «катализаторов»: чтения статей, обсуждения своей деятельности

с коллегами, участия в научных дискуссиях [даже на отвлеченные темы]. Хорошо организованные конференции предоставляют возможности для такого взаимодействия. Для математика важно видеть, что задача, которой он занимается, важна и интересна не только для него, но и для [по возможности – большого числа] его коллег. Это придает дополнительные силы для преодоления возникающих при решении любой содержательной задачи препятствий. Кроме того, на мой взгляд, с профессиональной точки зрения математик должен стараться доносить свои результаты до научного сообщества. При подготовке к докладу ученый еще раз обдумывает полученные результаты, способы рассказать о них, возможные пути развития и приложения доказанных теорем. С другой стороны, интересный доклад может запасть в душу кому-нибудь из слушателей и направить [или просто запустить] мыслительный процесс, который в дальнейшем приведет к решению не поддававшихся до этого задач или к открытию новых направлений.

С точки зрения организации конференции бывают очень разными. Это относится к широте тематики, длительности, количеству участников и стран, которые они представляют, плотности расписания. Обычно конференции с очень широким охватом научных тем играют скорее социальную роль: это международные конгрессы, встречи, посвященные открытию научных центров, и т.п. При таком формате не предполагается слишком глубокое погружение в предмет. Наиболее эффективными в научном плане представляются конференции, сосредоточенные на конкретной математической области.

При этом очень полезно, если в мероприятии принимают участие коллеги, которые интересуются данной областью с разных точек зрения: есть возможность рассказать о своих результатах заинтересованной и знающей аудитории, а также существенно расширить горизонт видения задач и направлений. Нужно отметить, что даже специалистам зачастую необходимо довольно много времени и немало усилий, чтобы вникнуть в то, что рассказывает коллега. С этим, в частности, связано несколько тенденций, которые сейчас наблюдаются на хорошо организованных конференциях: относительно небольшое число докладов, выделение специального времени для научных дискуссий вне официальных заседаний, предложение некоторым докладчикам возможности прочитать мини-курс (2-3 лекции) вместо одного

Для математика важно видеть, что задача, которой он занимается, важна и интересна не только для него, но и для [по возможности – большого числа] его коллег. Это придает дополнительные силы для преодоления возникающих при решении любой содержательной задачи препятствий.

доклада. Такие мини-курсы позволяют более подробно и доходчиво сформулировать решаемую задачу и полученные результаты, что зачастую невозможно в рамках одного часового доклада [по моим ощущениям, доклад продолжительностью менее часа очень редко приносит аудитории пользу]. Все эти меры позволяют наилучшим образом организовать взаимодействие участников конференции, способствуют более активной и плодотворной работе и позволяют снизить негативный эффект глубокой специализации современной математики. Также отмечу, что обычно организаторы конференций стараются охватить как можно больше участников из разных стран: в современной науке государственные границы и расстояния между научными центрами не играют существенной роли. Например, ситуация, когда учёные из Москвы и Токио [или из Монреяля и Мельбурна]

занимаются очень близкими задачами, сейчас стала совершенно обычной.

Таким образом, активное участие в конференциях – своего рода лакмусовая бумажка активности работы математика. При этом, конечно, злоупотребление [«научный туризм»] не приносит ничего хорошего, а отвлекает от главного: как я писал выше, основная работа происходит у математика в голове, конференции – лишь способ активизировать эту работу и сделать ее более плодотворной.

Мария Фаликман, профессор факультета социальных наук, руководитель департамента психологии

Для меня конференция – это всегда срез актуального состояния моей области. За множеством докладов можно увидеть основные векторы развития исследований, понять, куда движется научная область, какие темы выходят на передний план, а какие постепенно уходят в тень, какие методы анализа данных набирают силу, а какими сообщество уже перестает пользоваться, и многое другое.

Не менее важна возможность прямого общения, установления контактов и обсуждения потенциального сотрудничества, наконец, просто возможность задать вопрос по представленному исследованию или его теоретическим основаниям. Когда такие вопросы возникают в ходе чтения статьи, не всегда собираешься написать автору,

но в ходе живой дискуссии или беседы в кулуарах это вполне естественно. И конечно, никто не отменял «научного туризма»: хорошего повода увидеть новые страны, их природу и культуру.

Есть несколько конференций, в которых я стремлюсь участвовать регулярно. Одна из них – конференция Общества наук о зрении (Vision Sciences Society Meeting), проходящая в городке Санкт-Петербург штата Флорида. Когда я первый раз попала на эту конференцию пятнадцать лет назад, впечатление было ошеломительным: больше всего это было похоже на ожившую и заговорившую библиотеку. С одной стороны, мимо проходил со стаканчиками кофе, выступал с устными и стендовыми докладами весь мой список литературы (я тогда как раз недавно защитила кандидатскую, и список был довольно-таки внушителен, причем состоял преимущественно из западных работ, с авторами которых я переписывалась, но никогда не встречалась). С другой стороны, передо мной то и дело оказывались люди, чьи работы я и сама неоднократно пересказывала на зачетах и экзаменах, и слушала в пересказах студентов, принимая те же зачеты и экзамены. И когда такой вот живой классик внезапно стоит у своего постера и, пыхтя, отбивается от вопросов слушателей, вся наука внезапно превращается из прекрасного, но застывшего архитектурного сооружения во что-то близкое, живое и создающееся прямо на твоих глазах.

Еще я стараюсь регулярно участвовать в нескольких российских конференциях, что для меня больше связано с выстраиванием и развитием сообщества когнитивистов у нас в стране. Сейчас это для меня прежде всего конференция «Когнитивная наука в Москве: новые исследования», которая по факту давно выплеснулась за пределы Москвы и даже России, но раз в два года неизменно радует новыми сильными междисциплинарными исследованиями познания.

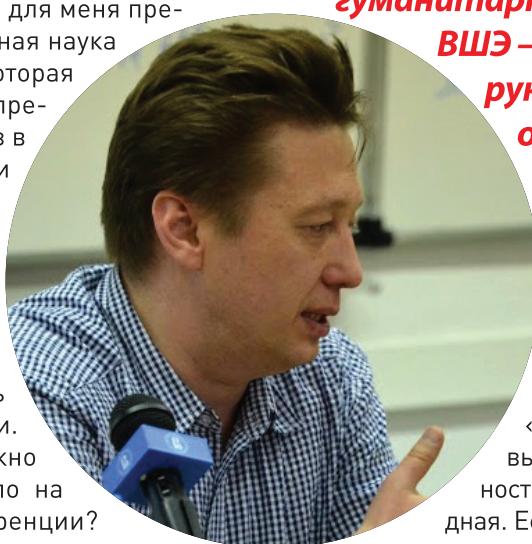
Единственное, что существенно изменило мой общий взгляд на конференции, – это опыт участия в их организации, возможность увидеть конференцию с изнанки. Вот вы знаете, сколько батонов нужно купить, чтобы бутербродов хватило на 300 участников небольшой конференции? А я теперь знаю. А дети хорошо освоили раскладывание бейджей по кармашкам.

Мне кажется, ездить на конференции – это намного важнее, чем просто читать и писать статьи, описывая проведенные исследования. Для меня это часть гигиены научных исследований. Обкатать исследование на конференции перед подготовкой статьи не только оказывается полезным для самого автора, но и заранее снимает множество вопросов и возражений потенциальных рецензентов. Ну и договариваться о сотрудничестве несравненно проще вживую.

Кто-то предпочитает крупные международные конгрессы, а я, хоть и не пренебрегаю ими, самыми полезными считаю маленькие международные симпозиумы по конкретным темам (например, в моем случае – зрительное внимание или даже еще более узко – зрительный поиск). На таких конференциях разговор максимально специальный и максимально профессиональный, обычно приглашены все светила в этой области, и каждая приглашенная лекция имеет отношение к тому, чем ты занимаешься. Там речь не идет о том, чтобы пропустить какую-нибудь из секций и пойти погулять. Это тоже важно, но на это можно отдельно заложить время, а здесь каждый участник добавляет свой кирпичик в общую картину твоей исследовательской области, и без этого кирпичика она определенно выйдет неполной; не говоря уже о том, что было бы глупостью пропустить пикировки между мэтрами на аспирантских докладах. Свидетелем подобной пикировки можно стать и на тематической секции или симпозиуме большой конференции, но на маленьких конференциях они имеют, по моему опыту, особую прелесть.

А особенно прекрасно, если такие конференции проводятся на некотором удалении от городов с их привлекательными архитектурными памятниками и музеями, чтобы не приходилось разрываться, а можно было бы провести несколько полных дней на конференции и на пути домой посмотреть ближайший город, из которого потом лететь домой.

Юрий Василенко, доцент социально-гуманитарного факультета НИУ ВШЭ – Пермь, академический руководитель образовательной программы «История»

Я участвую в научных конференциях по двум основным причинам: 1) мне нужно показывать академическую активность для защиты диссертации; 2) это хороший повод «других посмотреть и себя показать», выпить с друзьями, наконец. Периодичность моего участия – величина производная. Если конференция с моей темой проводится регулярно, то и я езжу регулярно. Стараюсь по мере возможности наращивать количество регулярных конференций, но, к сожалению, их проведение от меня никак не зависит.

Менялось ли ваше профессиональное отношение к конференциям? Если да, то как именно?

Да как оно может поменяться? Праздник – он и есть праздник. На конференции работа – не работа, конференция – это ярмарка, на ней продаешь и покупаешь. Соответственно, все, что наработал, вот он твой товар и есть. Хорошая возможность узнать, о чем думают коллеги и сообщество в целом, если конференция крупная.

Путешествие на конференцию как «научный туризм»

Конференции – это, конечно же, не вместо статей, это плюс к статьям и монографиям. Эти понятия не взаимозаменяемые, а взаимодополняемые. Ездить обязательно, это даже не обсуждается. Одна конференция может перевернуть очень многое.

Я люблю крупные многодневные форумы, куда приезжает много народа, в том числе и иностранцы, и живые звезды-гении. Поскольку я занимаюсь зарождением испанского консерватизма, я люблю конференции либо по Испании, либо по консерватизму, т.е. обязательно должна быть очень широкая проблематика, чтобы можно было выбрать, а по возможности и выйти за пределы своей сферы. Где еще живешь послушаешь интересные темы и интересных людей?

Виталий Куренной, профессор факультета гуманитарных наук, руководитель школы культурологии

Конференции – один из двух, наряду с научными журналами, форм глобальной научной коммуникации, которые возникли относительно недавно – система журналов в современном смысле слова начала стабилизоваться где-то с середины XIX века, а конференции и того позже. Причем, насколько я могу судить по своей дисциплинарной сфере, образцом здесь были именно международные конференции. То и другое – неслучайно. Эти формы коммуникации возникают как ответ на чрезвычайно быстрый рост научных фронтов, их усложнение, специализацию и ускорение. Журналы отвечают на эту новую ситуацию как система профессиональных фильтров для текстов небольших форматов, конференции

добавляют к этому скорость знакомства и погружения в те вопросы, над которыми работают коллеги. Устная коммуникация, протекающая в форме докладов, дискуссий и, что часто еще важнее, общения в кулуарах, интенсивней и информативней, чем письменная. Это тем более важно, что поток журнальных и иных публикаций сегодня попросту необозрим. Хорошая конференция – это, так сказать, королевская дорога научной коммуникации. Кроме того, конференция – это сегодня еще и площадка для завязывания горизонтальных связей, необходимых для реализации крупных коллективных проектов.

Для молодых ученых, только вступающих в науку, участие в конференциях, пусть даже только в качестве слушателей, абсолютно обязательная вещь, потому что сразу вводит тебя в широкий контекст науки, формирует сеть необходимых научных контактов. Дискуссия на хорошей конференции – это идеальная школа научной коммуникации, культура которой в России, к сожалению, традиционно невысока. Меня, например, в молодости именно на конференциях поразило, что любой, даже самый провальный доклад, мастера дискуссии могут виртуозно сделать предметом удивительно содержательного и интересного обсуждения, – это важнейшая школа для молодого ученого. Но я, например, сейчас намного режеучаствую в конференциях, ядро моих специальных научных интересов является устойчивым, а при необходимости я могу самостоятельно ориентироваться в новой для себя тематике.

Регулярно же, по крайней мере как слушатель, – только в тех, которые организовываю сам.

Думаю, у всех коллег отношение к конференциям меняется по мере развития их научной карьеры. Оно становится по меньшей мере более избирательным. Когда вы только

начинаете свой путь в науке, вы прилагаете усилия, чтобы попасть на разные конференции. Но в конце этого пути находится, скорее всего, идеальная ситуация, когда вы соглашаетесь принимать участие только в тех конференциях, состав участников и дискуссия на которых для вас лично содержательны и интересны.

Конференция – это в любом случае дополнение к основной научной деятельности, которая выражается, прежде всего, в форме публикаций. Поэтому, конечно, без них можно обойтись, пребывая в башне из словной кости, но быть при этом не менее известным автором. Есть вообще такая формула научной репутации: она тем выше, чем больше коллег знают вас и чем меньше знаете вы. Чрезмерная активность по участию в конференциях не может компенсировать основное слагаемое научной репутации, которое связано с публикациями. Хотя, конечно, бывают легендарные до-клады, например, выступление Райнхарда Козеллека на конференции в Софии 2003 года, где он решительно высказался против концепта «коллективная память», причем на конференции, посвященной Пьеру Нору и в присутствии последнего. Но чтобы сделать такой до-клад, надо все же быть Козеллеком.

Конференции, как и всякая первоначально правильная форма содержательной коммуникации, со временем обрастает посторонними функциями. Участие в конференциях становится, например, организационным требованием к научным сотрудникам, все стремятся участвовать в конференциях, конференции превращаются в какие-то мега-события, организованные по мотивам престижа, и т.д. В итоге многие конференции утрачивают свою основную функцию: вместо информационного фильтра они становятся еще одной площадкой для информационного шума. Конечно, бывают и хорошо организованные крупные конференции, но это требует колоссальных организационных усилий и средств.

Сам же я в последнее время отдаю предпочтение небольшим специализированным конференциям, на которые съезжается очень узкий, отобранный круг коллег, желательно, конечно, безотносительно к тому, в какой части мира они живут. Именно здесь коммуникация может протекать максимально свободно и интенсивно. В условиях Москвы это, кстати, практически невозможно, по крайней мере местным участникам всегда куда-то надо спешить. Поэтому приходится выбираться, как Флорентийская Академия, за город. У Платона в Тэетете есть место, где он поясняет, чем свободное общение отличается от несвободного: в первом случае собеседники имеют возможность обсуждать то, что им интересно, совершенно свободно, не стесняясь себя во времени, тогда как во втором случае они не могут себе этого позволить, их всегда подгоняют часы и строго ограниченный вопрос обсуждения. В идеале конференция должна стремиться именно к такому свободному типу коммуникации, в котором, кстати, нетрудно опознать модель коммуникативного действия Юргена Хабермаса, которую он противопоставляет инструментальной, стратегической коммуникации. Иными словами, хорошая конференция – это всегда немного платоновский пир.

Опыт чтения

В этом выпуске о своих любимых художественных и научных произведениях, а также о книгах, полезных в преподавании, рассказывают Мария Майофис, Алексей Васильев и Павел Полян.

Художественная книга

Мария Майофис, доцент школы культурологии факультета гуманитарных наук

По первому образованию я филолог, и филологу все-таки трудно говорить об одной-единственной любимой художественной книге. Из книг, оказавших на меня влияние – и в профессиональном, и (главное) в личностном смысле, – я бы назвала три ряда произведений. Первый – хронологически самый ранний; это книги, повлиявшие на меня в самые первые годы моего самостоятельного чтения: исторические приключенческие романы. Трилогия о мушкетерах Александра Дюма, романы Вальтера Скотта, «Камо грядеши» Сенкевича, «Спартак» Джованьоли – все эти книги были прочитаны еще в начальной школе, и я довольно быстро стала понимать, что рассказывают они не о Древнем Риме, не о средневековой Англии, не о Франции XVII века, а о том времени, когда жили и творили авторы этих романов: о Британии 1810–1820-х годов (Вальтер Скотт), Франции 1840-х (Дюма), Италии 1880-х (Джованьоли), разорванной между тремя державами Польше 1890-х (Сенкевич)... В каком-то смысле мой детский модус чтения уже многое говорил о моих сегодняшних профессиональных интересах: мне не просто важно было видеть в литературе форму исторической памяти и способ интерпретации истории, – эти книги научили меня такому типу чтения.

Второй ряд произведений связан с моим чтением подросткового периода. Оно пришлось на поздние годы перестройки, когда в Советском Союзе стала печататься и обсуждаться ранее запрещенная литература,

в том числе и та, что рассказывала о сталинских репрессиях, ГУЛАГе, последующей адаптации бывших заключенных: «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург; художественная проза Солженицына и стоящий на границе литературы и историографии «Архипелаг ГУЛАГ»; «Факультет ненужных вещей» Домбровского. Тогда до меня впервые стали доходить простые вещи: человек может героически сопротивляться далеко не только на войне, подвигом может быть простое несогласие с большинством и сохранение в себе человеческого начала тогда, когда никто или почти никто сохранять его не готов. Тогда же я стала много думать о том, как сложно будет тем, кто не прошел лично через опыт лагерей, принять и осмыслить прошлое сотен тысяч своих соотечественников, да и просто оплакать погибших. Оглядываясь назад, могу сказать, что за те тридцать лет, что прошли со времени моего первого чтения этих книг, я постоянно возвращалась к этим размышлениям – иногда продвигаясь вперед, иногда кружка на месте.

Наконец, третий ряд произведений связан с моим уже университетским опытом чтения модернистской прозы – американской, немецкой, французской. Романы Дос Пассоса, Дёблина, Гессе убедили меня в том, что существуют изобретательные и одновременно чем-то очень простые эстетические средства для передачи сложных процессов взаимодействия человеческого сознания и бессознательного, бессобытийности или разреженной событийности человеческой жизни...

Алексей Васильев, профессор департамента общей и прикладной филологии факультета гуманитарных наук

В детстве я очень любил исторические романы. И собственно говоря, в итоге выбрал профессию историка, историка культуры. Первое сильное впечатление на меня произвели Александр Дюма и Вальтер Скотт. Я прочитал «Трех мушкетеров», наверное, когда учился в 1-м классе, примерно лет в восемь. От Дюма я довольно быстро перешел к Вальтеру Скотту. И Вальтер Скотт мне понравился даже больше – вероятно, потому, что он был не только писателем, но и историком. И, как все историки-романтики, стремился реконструировать мировоззрение человека другого времени, исторический фон эпохи. Тогда я всего этого не знал, но я очень чувствовал эту его интенцию, желание погрузить читателя в атмосферу эпохи, чтобы ты не просто наслаждался приключенческим сюжетом, а увидел и ощущил мир таким, каким его видел и ощущал человек далекого, для Вальтера Скотта и для меня тем более, времени. С этой точки зрения, для меня формообразующим романом явился «Айвенго». Позже я узнал, что это образцовый исторический роман, из которого, собственно, и вырос жанр исторического романа. Вот этот особый подход к истории как к истории человека, истории человеческого чувства, человеческого мышления меня очень покорил. А то, что всё это было «зашито» в авантюрном сюжете, для ребенка

имело, конечно, огромное значение. Я был еще очень юным, начинающим читателем. В первую очередь я, как и все, читал приключенческую, фантастическую литературу. Там акцент делался на фабуле, приключениях, сражениях, тайнах, загадках и т.п. У Вальтера Скотта тоже все это было, но если мы возьмем его «Квентина Дорварда» или «Айвенго», то они начинаются с довольно подробной экспозиции эпохи. То есть сначала он объясняет, где мы вообще находимся, что вокруг происходит, о чем здесь люди думают, что они чувствуют. И меня сначала удивило, что, оказывается, бывает и такая литература, а потом еще и увлекло. Позже я узнал, что это свойство поэтики романтизма, а сам романтизм – направление, с которого в значительной степени началась историческая антропология: историческими предшественниками современной научной исторической антропологии действительно были романтики. Но это все уже потом, а вначале было художественное впечатление.

Наконец, тем, что в итоге из меня получился не просто историк, а историк-полонист, то есть историк польской культуры, я обязан не в последнюю очередь еще одному историческому романисту – Генрику Сенкевичу и его популярному роману «Крестоносцы». Как я тоже не сразу узнал, это действительно самый популярный роман у польского читателя. С него и началось мое знакомство с польской историей.

Я впервые столкнулся с тем, что интересная, захватывающая история бывает не только где-то в Западной Европе – в Англии, во Франции, но и гораздо ближе к нам.

Наверное, тут же уместно будет назвать имя четвертого романиста. Это Алексей Константинович Толстой с его романом «Князь Серебряный»: в сущности, это те же «Три мушкетера», но на материале российской истории XVI века. Вот Алексей Толстой и Генрик Сенкевич научили меня в детстве тому, что у Восточной Европы тоже есть остросюжетная история, которой может оказаться интересно заниматься. В ней тоже действуют яркие личности, происходят крупные исторические события. В ней есть динамика, есть драма. «Крестоносцы» – это роман, посвященный одному из наиболее драматических сюжетов польской истории. Опять же, уже после я узнал, что роман был написан на рубеже XIX–XX веков, когда Польши не существовало как государства. И роман Сенкевича служил средством психологического укрепления, своеобразной психологической компенсацией для поляков, угнетенных той ситуацией, в которой они находились; как говорил сам Сенкевич, «я писал для укрепления сердец». Этот роман был самым популярным романом в Польше в период оккупации во время Второй мировой войны. То есть он все время выполнял важную психотерапевтическую функцию. На меня в детстве он тоже оказал такое духоводъемное воздействие, что с этого момента история Польши мне стала интересна. А когда я узнал, что Польша, то есть историческая Речь Посполитая, – это огромная территория, чья история тесно переплетена с историей России, меня заинтересовала уже история всего региона Центральной Восточной Европы.

Библиотека НИУ ВШЭ

Затем у меня возник уже взрослый, научный интерес к этой теме. Я начал заниматься проблемами культурно-исторической памяти и национальной идентичности. И в какой-то момент у меня эти звенья соединились: теоретический интерес к памяти, идентичности и любовь к польской культуре. Я подумал: боже мой, Польша – это же такой прекрасный материал для изучения роли исторической памяти и идентичности в истории страны. Страна, которой просто не существовало более ста лет и которая тем не менее возродилась. Которая переживала очень драматические периоды своей истории и каждый раз возрождалась. За счет чего, что ее возрождало? Это интересная тема: какую роль историческая память играет в жизни любого общества. И тут, конечно, вспомнился Сенкевич и актуализировались какие-то другие знания о польской культуре.

**Павел Полян, директор
Мандельштамовского центра
департамента общей и прикладной
филологии факультета
гуманитарных наук**

Вне времени и возраста заданный вопрос не имеет смысла. Если же считать (а я так считаю) определяющим для ответа стыковой возраст школы и университета, то главными моими книгами были «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Алые паруса» и «Бегущая по волнам» Александра Грина, а еще «Zoo, или Письма не о любви» Виктора Шкловского. Все они – о феномене любви, в ее разных и всегда чудесных ипостасях и ракурсах. Все шлифовали эстетику восприятия, формировали мироощущение, а до некоторой степени и черты характера, если понимать под ним тот сплав урбанистического скептицизма и романтического оптимизма, которым пользуюсь до сих пор. Кстати, сильнейшее впечатление произвел «Бах» Альберта

Швейцера, явивший с наглядностью ту поучительную ретроспективу, ту синусоиду посмертных взаимоотношений даже такого гения, как Бах, с его слушательской аудиторией (тоже ведь о любви).

Отдельно, особняком – поэзия: в старших классах это Маяковский, Асеев и Кирсанов, а с первого же курса – Мандельштам, которому эти леваки с первого же раза, вчистую и навсегда проиграли мой внутренний баттл.

Академическая книга

Мария Майофис

Это была не монография, но сборник статей. В 10-м или 11-м классе школы мне впервые попала в руки книга Ю.Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино», подготовленная к печати М.О. Чудаковой, А.П. Чудаковым и Е.А. Тоддесом и вышедшая в свет в 1977 году – через год после моего рождения. Эта книга поразила меня тогда и продолжает поражать сейчас совершенно уникальным сочетанием качеств. Во-первых, я увидела, как один ученый может сочетать столь широкие интересы – от узкоспециального стиховедения до устройства киноповествования. Во-вторых, оказалось, что возможно, хотя и очень сложно, создавать масштабные историко-культурные концепции в достаточно коротких текстах. В-третьих, я буквально кожей почувствовала, как можно получать удовольствие от чтения чрезвычайно сложного по смыслу текста, если этот текст написан стилистически прозрачно и четко структурирован. Last but not least: довольно значительную часть этой книги составляют набранные мельчайшим шрифтом примечания, которые раскрывают обстоятельства создания той или иной статьи, ее связь с научными дискуссиями тех лет, когда она писалась, с другими – осуществленными и неосуществленными – замыслами автора... Короче

говоря, я увидела тогда, что помимо истории культуры можно изучать еще и историю науки, и это занятие ничуть не менее увлекательное. Книга Тынянова, которую и тогда, и сейчас среди коллег-филологов принято обозначать аббревиатурой СПИЛК, до сих пор считается образцовой и по подбору текстов, и по качеству их подготовки к печати, и по кропотливостиcommentatorской работы, проделанной составителями.

Алексей Васильев

Когда я думаю над этим вопросом, мне все время приходит в голову одно и то же. Будучи студентом, курсе, наверное, на третьем я прочитал «Апологию истории» Марка Блока. И она действительно на меня очень сильно повлияла, потому что благодаря ей я увидел, что существует совершенно необычный (может быть, для меня тогда) способ заниматься историей. Все-таки традиционно на исторических факультетах преподавали политическую историю: политическую, военно-политическую, дипломатическую и т.д. И вдруг я открыл Марка Блока и прочитал, что история – это наука, которая занимается не тем, в каком году родился или умер какой король. А история – это наука, которая занимается человеком во времени. И в истории никаких других фактов, кроме фактов человеческой психологии, вообще не существует. То есть можно рассуждать об экономических, политических, климатических и каких угодно предпосылках, которые на нас влияют, но в конечном итоге действие в истории совершает человек, и все эти факторы должны быть пропущены через его душу, сознание, то, что у историков школы «Анналов» называется ментальностью. Единственное, что важно для историка, – понять того человека, которого он изучает, не выставляя ему оценок. Это до сих пор любимое занятие многих историков и политиков – давать оценку историческим событиям. А Марк Блок в специальном параграфе говорит об этом так: наградной лист надо убрать подальше, а вместо него достать лабораторную тетрадь.

Единственное, что важно для историка, – понять того человека, которого он изучает, не выставляя ему оценок. Это до сих пор любимое занятие многих историков и политиков – давать оценку историческим событиям. Марк Блок в специальном параграфе говорит об этом так: наградной лист надо убрать подальше, а вместо него достать лабораторную тетрадь.

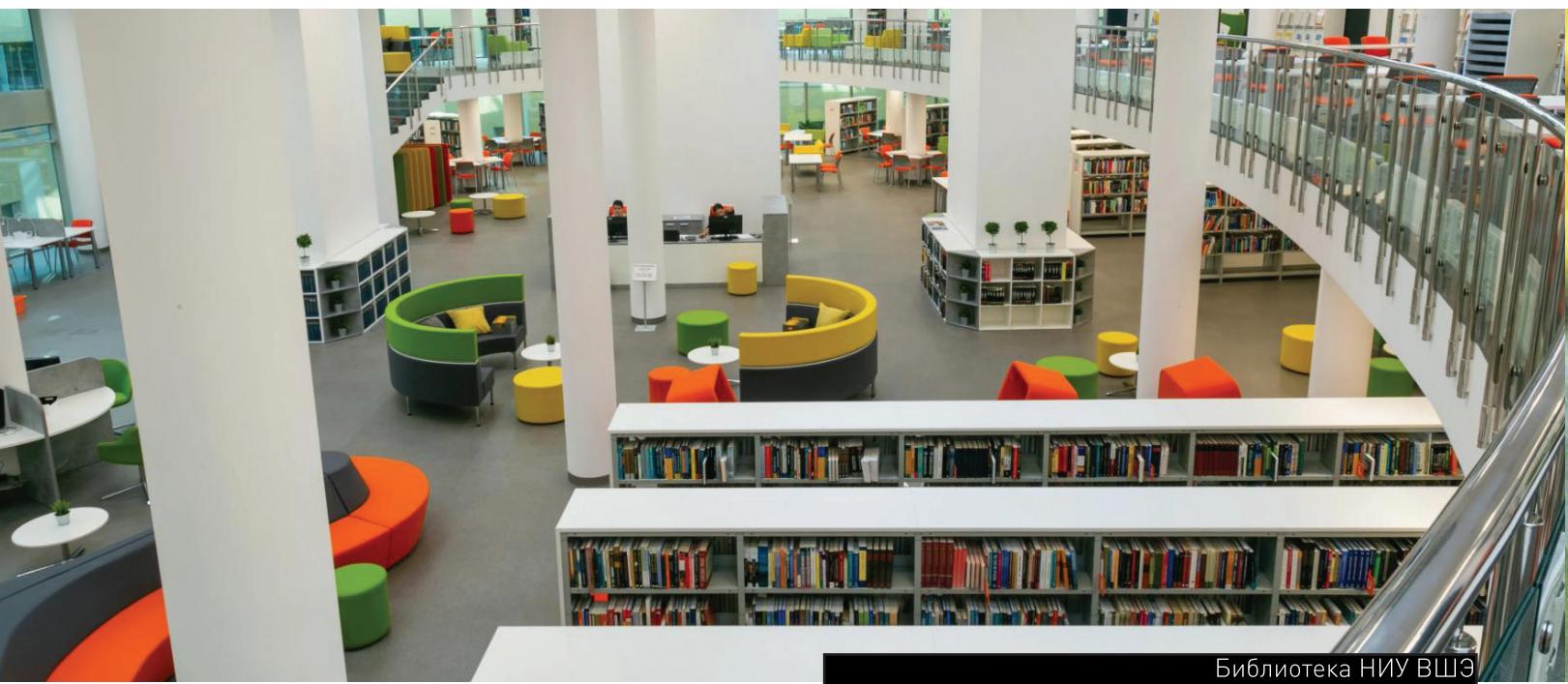
историей, а эта книга меня переформатировала в историка культуры, историка знаковых, символических сфер общественной жизни.

Марк Блок, в общем, никогда не претендовал на создание научного метода в строгом смысле этого слова. Он обучал «ремеслу», как он сам это называет, ремеслу историка. А это то, что тебя учит, переворачивает твой взгляд, поворачивает твоё мышление. То есть ты читаешь, скажем, источник по хозяйственной истории и вдруг задаешься вопросом: а как представлял себе реальность человек, который так думал о хозяйстве? И точно ли он представлял себе реальность так, как ты это понимаешь? Уместны ли, например, современные экономические категории для понимания того, что он думал о мире, когда, например, для него слово «экономика» означало примерно то же, что оно означало для Аристотеля, то есть домоводство, а вовсе не то, что оно означает для тебя сегодня. То есть он учит тебя думать несколько по-другому. Это не то чтобы Метод, в «немецком» смысле этого слова: вот тебе метод – делай так и так. А Марк Блок просто прививает тебе иной, антропологический, взгляд на прошлое и на человеческий мир вообще.

Павел Полян

Ну, тут все просто. Я по первой профессии географ, и на геофак МГУ я после школы шел совершенно сознательно и с энтузиазмом. География прочно была моим любимым предметом, на городских олимпиадах по ней я был неизменно в числе победителей. И это все потому, что в школьные еще годы я зачитывался (и заслушивался) Михаилом Ильиным, автором замечательных книг и радиоигры «Путешествие по любимой Родине», во многом предопределивших мой выбор географии как профессиональной стези. Их герои – и, соответственно, ведущие – дуэт корабельного юнги Захара Загадкина и корабельного кока Антона Камбузова, придуманный Михаилом Ильичом нам, школьникам, на радость и зависть.

А еще я был в восторге от «Большого советского атласа мира» и от «Морского атласа»: в обоих в конце были перечни географических названий – бесценные при отгадывании «географических диктантов» от Ильина. «Устроился» я с этим так: со мною в классе училась Наташа Журкова, внучка Трофима Лысенко, а у них дома были оба эти атласа. Так что два раза в месяц я как штык ходил к ним в Дом правительства, усаживался за огромным столом и, разложив эти томины, пролистывая их хрустящие и громыхающие страницы, утыкался в перечни топонимов в конце и целиком зарывался в эти столбцы в поисках разгадки диктантов.

Библиотека НИУ ВШЭ

Книги и студенты

Мария Майофис

Курсы, которые я преподаю в школе культурологии, в основном связаны с культурной теорией и историей культуры. Мы читаем со студентами не художественные произведения, не публицистику, не мемуары, а именно исследования. Тем не менее мне кажется важным обсуждать не только содержательные аспекты этих книг, но и то, КАК они написаны: их стиль, структуру, композицию, способ представления авторского «я», если речь идет об истории или антропологии, то представленный в тексте тип наблюдения над историей или современностью. Именно поэтому я люблю давать для обсуждения новаторские – по стилю, продуманности интеллектуального сюжета, способам коммуникации с читателем – тексты: книги и статьи Клиффорда Гирца, Роберта Дарнтона, Карло Гинзбурга, Ханса Ульриха Гумбрехта.

Среди отечественных авторов в этом ряду я назвала бы прежде всего Сергея Козлова (его замечательная книга «Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции» недавно вышла в свет и скоро, надеюсь, займет достойное место в учебных программах гуманитарных специальностей), Илью Винницкого, который постоянно ищет приключенческое и игровое начало в истории культуры и сам воплощает его в своих научных текстах, Михаила Ямпольского, Андрея Зорина, Олега Проскурина... Иными словами, разговор о моих любимых научных книжках всегда оборачивается разговором об академическом письме, о том, как можно одновременно придумывать новые концепции, разрабатывать сложный исторический материал и при этом писать ясно и увлекательно.

Алексей Васильев

На этот вопрос не очень легко ответить, потому что я веду разные курсы, разные дисциплины. Если говорить о курсах, связанных с польским сознанием, польской культурой, польской идентичностью, то тут я обычно рекомендую книгу Нормана Дэвиса «Сердце Европы», которая, кстати, появилась в русском переводе. Она была написана еще в начале 1980-х по-английски английским историком Норманом Дэвисом, который учился в Krakowе и является, наверное, самым крупным и самым известным историком Польши непольского происхождения. Это небольшая книжка, в которой он попытался очень скжато описать не столько историю Польши (хотя у него есть и огромная история Польши, насчитывающая более тысячи страниц, называется «Игральная доска Бога»), сколько некие узловые пункты польской ментальности, польской идентичности, польского исторического сознания. То есть его интересовала не история Польши как процесс, а тот след, что эта история оставила в сознании поляков. «История второй степени», как сказал бы Пьер Нора.

Если мы берем курсы, связанные с регионом Центральной Восточной Европы, то тут я часто рекомендую книжку Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу». Он показывает, каким образом создается, изобретается регион. Как необходимость создания самоидентичности приводит к тому, что ты начинаешь создавать вокруг себя другие идентичности. В частности, он показывает, как Западная Европа придумала Восточную для того, чтобы самой стать Западной. В общем, это такое полезное умственное упражнение, которое позволяет увидеть за привычными и самоочевидными понятиями и явлениями культурные процессы конструирования реальности. Понять, что в истории культуры не существует ничего данного, естественного, что такие кате-

Норман Дэвис, автор книги «Сердце Европы»

гории, как периодизация, хронология, географические рамки, – все это историко-культурные конструкты. Когда, как, зачем, почему они возникают, – эта книжка учит задаваться такими вопросами.

И третья книга – немножко забытая сегодня, но, с моей точки зрения, очень полезная – «Персидские письма» Шарля Монтескье. Я рекомендую ее студентам не в связи с какой-то конкретной дисциплиной, а в связи с общей установкой культурно-антропологического, историко-антропологического мышления. Монтескье все знают как классика философии и теории государства и права. Но часто забывают, что славу ему принесло именно это небольшое сочинение, которое было в его время суперпопулярным и бесконечно переиздавалось. Именно за «Персидские письма» его приняли во Французскую академию. Это произведение породило целый литературный жанр так называемых «экзотических писем». После него появилась масса подражаний: всякие китайские, японские, перуанские письма. А собственно говоря, что здесь интересного? Здесь впервые возникает интеллектуальный прием, который впоследствии у русских формалистов получил название «остранение», но придумал его Монтескье. Часто какие-то научные вещи появляются в художественной форме раньше, чем потом они будут сформулированы учеными.

Монтескье придумал двух воображаемых персон, которые приезжают в Париж. И он показывает жизнь Парижа, Франции, Европы глазами того, на кого европейцы привыкли смотреть как на экзотического Другого. То есть персы, конечно, это представители «экзотического Востока», на которых европейцы обычно смотрят как на таких туземцев. А в этой книжке «туземцами» показаны французы, увиденные глазами этого Другого. То есть фактически Монтескье учит приему иронического остранения, представлению о том, что даже твоя собственная

жизнь, которая кажется тебе нормальной, естественной, обычной, может быть проблематизирована, подвергнута такому остранныющему взгляду, деконструирована и сделана объектом изучения. И вот этому остранению и отстранению, которые необходимы любому исследователю, тем более если он изучает историю, культуру, а особенно если он изучает свою историю и свою культуру, привычный ему собственный мир. Потому что, если ты занимаешься XII веком, увидеть иное, другое не так уж сложно. А вот когда ты занимаешься Россией XXI века, это гораздо сложнее, потому что ты в ней живешь. И для тренировки этого исследовательского взгляда я часто рекомендую студентам прочитать «Персидские письма», тем более что это просто хорошая литература.

Павел Полян

Я не так уж и много общаюсь со студентами лоб в лоб, предпочитаю аспирантский уровень и коллегиально-индивидуальный разговор, отчего, готовя и выпускная книга, будь то географические, исторические или филологические, всегда имею в виду именно этот штучный «сегмент». Судя по откликам, более других востребованы: в географии – книги Исаака Маергойза и Вениамина Семенова-Тян-Шанского, моего учителя и моего любимца, а также мой личный двухтомник («Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения» и «Географические арабески: пространства вдохновения, свободы и несвободы»), в истории – «Жертвы двух диктатур», «Не по своей воле», «Свитки из пепла» и «Историомор», а в литературе – критические издания Мандельштама и Лившица, а также собственные книги «Con amore. Этюды о Мандельштаме» и «Осип Мандельштам и его солагерники».

Прозрачное сознание

Нет, это не ощущение легкости в мыслях и свежести в голове после дневного сна. И не психологическое или философское понятие, хотя в 2013 году издательство Оксфордского университета и выпустило книгу с таким заглавием, посвященную человеческому самопознанию. На самом деле в литературоведении вот уже почти 50 лет существует такой термин [в оригинале – *transparent mind*], и обозначает он не что иное, как хорошо знакомую каждому читателю способность литературы изображать то, что в реальной жизни нам почти недоступно: внутренние мысли и речь людей, их сознание и процесс мышления. Мы не можем читать

мысли друг друга, хотя влюбленные или члены одной семьи, наверное, подчас всё понимают и без слов. За нас чужие мысли читает, делая их как бы прозрачными, кристально ясными, художественная литература – в первую очередь проза, причем делает эту важнейшую работу вот уже много столетий.

Известная немецкая исследовательница-филолог Кэти Хамбургер еще в 1950-е годы предложила, что эпическая поэзия, проза и особенно классический роман с его всеведущим повествовательным голосом – уникальное в истории *homo sapiens* искусство, поскольку оно и только оно дает человеку единственный шанс проникнуть в мысли другого, причем без всякого станиславского перевоплощения и вживания в роль. Ни одно из смежных словесных и тем более визуальных искусств с такой полнотой не погружает нас в хаотичный мир мыслительной и эмоциональной деятельности именно другого (не своего!) сознания. Читая повесть или роман, написанный от третьего лица, мы, как правило, движемся от внешнего вида того

или иного героя или героини к его мыслям и эмоциям. Нам сообщают, что подумал и почувствовал Раскольников или толстовская Анна, что он(а) мог(ла) бы почувствовать, что он(а) не осознал(а) или осознал(а) слишком поздно и так далее – в зависимости от таланта и творческой манеры писателя.

А пока – продолжаем читать романы, этот лучший в мире способ перестать быть собой, познать себя, понять собеседника... (нужное подчеркнуть).

Прозрачное сознание расцвело в эпоху реализма, когда психологический роман поднялся до небывалого в культуре статуса и стал едва ли не главным мировым жанром. Романы предлагали и предлагают нам детальное изображение внутренней жизни сознания в словесной форме.

Это погружение в чужой внутренний мир, каким бы тривиальным оно ни казалось, выглядит тем более завораживающим именно сейчас, когда мы стоим на пороге, быть может, прорывных открытий в области theory of mind и нейронауки. Благодаря экспериментальному изучению работы мозга [МРТ], мы стали гораздо больше знать о том, как человек думает, принимает решения, читает тексты, воспринимает живопись, слушает музыку и т.д.

Тем не менее до полноценного аналога романному прозрачному сознанию науке еще далеко, хотя легко предположить, что, возможно, не пройдет и 30 лет, как какие-нибудь нейросети научатся имитировать характер и мысли любого человека, и вот тогда-то мы сможем наконец-то попробовать, каково это – «быть Джоном Малковичем».

А пока – продолжаем читать романы, этот лучший в мире способ перестать быть собой, познать себя, понять собеседника... (нужное подчеркнуть).

Алексей Вдовин

Лицеисты

«Дети Вышки» подготовили топ-5 советов, которые помогут вам справиться с прокрастинацией и убедиться в том, что 25-й час в сутках совсем не такой необходимый, как кажется.

Прокрастинация, уходи!

Лицей, несколько минут до первой пары, уже собираюсь встать с нагретого места на диванчике и пойти на политологию, как рядом со мной останавливаются две проходящие мимо девушки:

– Мне столько задали по литературе, это просто ужас. Я вообще не понимаю, как мы должны успеть это сделать за три дня?

– А ты уже начала, кстати?

– Нет, я вчера весь день смотрела «Эйфорию». Такой крутой сериал! Короче, там...

Я задумалась: как же много нашего времени уходит в никуда! На самом деле мы могли бы успевать в разы больше, если бы правильно организовывали свое рабочее время. Более того, это ведь не так сложно, как кажется! Стоит только захотеть относиться к распорядку своего дня более ответственно.

Как же это сделать?

1. Социальные сети – чем больше, тем лучше!

Наверняка вы замечали, что тратите на социальные сети несколько часов в день. Instagram за завтраком, полчаса за просмотром роликов на YouTube в метро, во время перемен и перерывов – Telegram. Плохо ли это? С моей точки зрения, нет, если через соцсети вы получаете нужную вам информацию.

Изучаете иностранные языки, но никак не можете оторваться от ленты Instagram, чтобы выучить лист слов? Подпишитесь на авторов, которые пишут на изучаемом вами иностранном языке. Так можно будет прокачать сразу несколько областей: и аудирование, и чтение. Более того, особо интересные тексты можно пересказывать. Плюс инстаграмных текстов в том, что лексика в них живая, а синтаксис – с авторской изюминкой, чего не встретишь в обычных учебниках.

Лицеисты на Дне Вышки

2. Чем больше вы спите, тем больше успеваете.

Всем известно, что мало спать – вредно. Однако каждую ночь я вижу многих своих одногруппников и преподавателей онлайн в 2, 3, а то и 4 часа ночи! Они хотят успеть сделать больше за счет времени, отведенного на сон. Однако это бесполезно. Наш мозг устроен таким образом, что ночью его активность понижается. Поэтому вы успеете на следующий день намного больше, если ложете спать раньше. Прокрастинировать, соответственно, не выйдет.

3. Организуйте пространство вокруг правильно.

Я часто замечаю, что начинаю страдать бездельем, когда не могу сесть за рабочее место. Начиная делать в кровати какое-то задание, я уже заранее знаю, что ничего не выйдет, потому что... я в кровати. Но стоит мне сесть за стол – и я готова к продуктивной деятельности, хочется взяться за работу. Этот феномен – пример действия психологического якоря. Кровать у мозга ассоциируется со сном, вечерним чтением, ночными разговорами. Поэтому ни о какой учебе или работе человек думать не будет, потому что существует привязка к месту.

4. Мотивация – главный враг прокрастинации!

Если вы не можете придумать себе мотивацию для выполнения дела – вам не нужно его делать. Конечно, никуда не деться от прокрастинации в таком случае. Мотивация может быть самая разная, главное – подобрать подходящую под конкретный случай. Она не должна быть сфабрикованной специально под задачу – делайте то, что вам действительно нужно и важно.

5. Проверьте уровень гормонов.

Да, как бы банально это ни звучало. Причина того, что вы не можете начать чем-то заниматься, вполне может скрываться за проблемами со здоровьем. Нехватка витамина D3, неполадки в эндокринной системе вполне могут провоцировать плохое настроение, хронический стресс, прокрастинацию и многое другое, вплоть до болезни – депрессии. Любые неполадки со здоровьем намного проще предупредить с помощью профилактических мер, чем устраниить лечением!

Некоторыми советами и примерами из личного опыта поделился с «Детьми Вышки» человек, который всегда занят работой и, как нам кажется, просто не может поддаваться на провокации прокрастинации, – директор Лицея НИУ ВШЭ **Дмитрий Фишбейн**:

«Думаю, в лицее с прокрастинацией знакомы все: и лицеисты, и взрослые. Мне, честно говоря, кажется, что люди с этим сталкиваются в том случае, когда они делают то, к чему не очень склонны. Если в целом попробовать оценить какие-то дела, которые есть у нас всех, мы откладываем на крайний срок те из них, которые у нас получаются не очень хорошо. Возьмем лицейцев: есть какой-то человек, которому не составит труда написать объемный текст, он не откладывает это и готов сделать. Если же, предположим, ему не свойственна подготовка устного выступления, то он тянет до последнего и переживает по этому поводу. Способом преодоления этого является большее понимание себя и того, что у тебя хорошо получается, а что нет. Если говорить конкретно о лицеистах, то это выбор и определение какого-то собственного эффективного способа обучения. Если я понимаю, что мне достаточно посмотреть 15 минут видео, то я лучше найду и посмотрю это видео, так как этот способ освоения нового материала мне больше подходит, чем чтение двух глав. Поэтому ключевая задача – понять свои недостатки и пробовать выбирать

В коридорах Лицея

какие-то другие способы решения задач, которые для тебя более характерны. Тогда можно предположить, что прокрастинация будет настигать значительно реже, чем могла бы.

Если мы говорим про рабочие процессы, а не личные, то в контексте моей работы я бы отметил следующее: одним из способов преодоления прокрастинации является наличие вокруг тебя людей, у которых получается что-то лучше, чем у тебя.

Это позволяет людям распределить дела (особенно если это одно большое дело) с пониманием того, что у каждого человека какая-то определенная деятельность получается лучше. Так, чтобы я не заставлял себя делать то, что мне несвойственно, и это сделал другой человек, который к этому склонен, а я при этом сделаю то, что могу лучше него.

В качестве примера: вспоминаю свой прежний школьный опыт, когда я был еще учителем и время было другое. Расписание составлялось не в компьютерных программах, а на больших миллиметровках. Я помню, что заходил в кабинет к завучам, видел большое полотно, где они расставляют все эти кабинеты, и впадал в ужас! Мне не очень свойственен такой тип деятельности. Я спрашивал их: «Как же так? Как вы вообще можете держать в голове столько аспектов?!» Они в ответ мне говорили: «Дмитрий Ефимович, смотрите, это же красота!».

Сейчас я стараюсь действовать так, чтобы вокруг меня были люди – да, другие, отличающиеся от меня, но которые делают что-то лучше, чем я. Я понимаю, что какое-то дело займет у меня много времени, сил,

я буду мучиться по этому поводу, откладывать. Тогда мы обсуждаем это, и кто-то берет мое дело на себя, а я забираю часть какой-то задачи этого человека в ответ. Мне кажется, что это основной способ. Думаю, что в этом контексте и с точки зрения личной жизни вполне можно перенять этот опыт. Но здесь надо изначально понимать, что эта разность, которая может быть у людей, с одной стороны, помогает, а с другой стороны, может быть психологически сложна. Это значит, я должен признать, что человек ведет себя как-то по-другому, действует не так, как я, и не раздражаться от этого.

Я думаю, что универсальных советов по борьбе с прокрастинацией, наверное, нет. Скорее, если совсем коротко, я бы сказал, что главное – понимать свои недостатки и пробовать, признавая это, выстроить личный график так, чтобы в меньшей степени сталкиваться с потенциальными угрозами в виде «я это не успею / не смогу» и т.д., то есть браться за то, что вам нравится, то, что вам кажется наиболее интересным. Тогда значительно меньше шансов, что вы «попадете». Понятно, мы все находимся в ситуации, когда не всегда вольны делать то, что хотим. К тому же многое есть обязательных вещей. В этом случае нужно выбирать и определять для себя те оптимальные способы, которые помогут выполнить поставленную задачу. И даже если этот метод кому-то кажется странным, а вам подойдет, следует отстаивать его и понимать, что с его помощью будет достигнут тот результат, который вам нужен».

Виктория Тимошева

«Каждый в душе будет, я надеюсь, любить город»

В июне 2019 года международная компания PwC провела исследование, в ходе которого сравнила Москву с другими 11 мегаполисами мира.

По результатам исследования, Москва занимает первое место по площади озелененных природных и рекреационных объектов на душу населения: примерно для 90% граждан такие территории находятся в шаговой доступности, а доступ к культурно-досуговым объектам имеют более 60% жителей Москвы.

Словом, инфраструктура Москвы развивается. Но городская среда становится комфортной для жителей не просто так: этим занимаются профессионалы своего дела – урбанисты. До недавнего времени в Вышке существовала только магистратура, обучающая этой специальности, но в этом году появилась и бакалаврская программа – «Городское планирование».

Чтобы разобраться в том, кто такой городской планировщик, чем он отличается от урбаниста и на кого рассчитана новая образовательная программа, мы поговорили с ее академическим руководителем Олегом Баевским.

– Что такое урбанистика?

– У того, что сегодня называется урбанистикой, нет точного определения. Можно сказать, что урбанистика – это такая область интересов, объектом которой является город во всех масштабах его рассмотрения: от отдельного двора, улицы или квартала до систем расселения, включающих города и поселки целых областей, стран и континентов. Ее предмет – все аспекты и формы проявления города: как физического тела, способа пространственной организации территории, системы экономической деятельности, городского сообщества и совокупности социальных процессов, системы культурных ценностей и так далее.

– «Городское планирование» – все-таки больше для гуманитариев или для людей с математическим складом ума?

– Программа «Городское планирование» как раз для тех, кто не хочет выбирать между гуманитарным и естественно-научным знанием, поскольку предполагает получение и того и другого. Но если в процессе обучения возникает потребность в специализации, в дальнейшем ее можно реализовать на магистерской программе.

– Как создавалась программа «Городское планирование»?

– Решение о разработке курса бакалавриата «Городское планирование» было принято руководством Вышки и было нелегким, поскольку в большинстве стран урбанистическое образование представлено магистерскими программами. Но потребность в специалистах по городскому развитию витает в воздухе и с каждым годом ощущается все сильнее. Новый бакалавриат – ответ на вызов времени.

– Можно ли называть выпускника программы «Городское планирование» урбанистом?

– Курс бакалавриата в Вышке не случайно называется не «Урбанистика», а «Городское планирование». Городское планирование – область деятельности, охватываемая множеством преподаваемых дисциплин. И хотя вряд ли каждый выпускник курса в равной сте-

Олег Баевский

пени будет владеть навыками всех дисциплин, каждый в душе будет, я надеюсь, любить город, а значит, будет урбанистом.

Действительно, город – сложный механизм, и для того, чтобы им управлять, нужно обладать определенными знаниями в большом количестве дисциплин. Чему же учат на этой программе? Однаково ли просто (или сложно) учиться здесь людям с гуманитарным и математическим складом ума? Могут ли студенты взять программу второго бакалавриата? Об этом «Дети Вышки» узнали у бывших лицеистов, а ныне студентов этой необычной программы – Антона Березанского, который учился на направлении «Экономика и математика», и Глеба Васильевых, выпускника «Гуманитарных наук» Лицея НИУ ВШЭ:

– «Урбанистика» – довольно модное слово сейчас. Чем занимаются урбанисты?

Нужны ли они Москве?

А.Б.: Важно понимать, что мы изучаем не конкретно урбанистику, а именно городское планирование. Поэтому что, как многие говорят, урбанистике бессмысленно учиться в рамках бакалавриата, это скорее наука. В то время как «городское планирование» – более прикладное понятие, в рамках которого учат, как управлять городом в целом. Условно говоря, не только тому, какие в городе здания и какая транспортная сеть по отдельности, а то, как они будут взаимодействовать между собой и с людьми.

Решение о разработке курса бакалавриата «Городское планирование» было принято руководством Вышки и было нелегким, поскольку в большинстве стран урбанистическое образование представлено магистерскими программами. Но потребность в специалистах по городскому развитию витает в воздухе и с каждым годом ощущается все сильнее. Новый бакалавриат – ответ на вызов времени.

Городские планировщики нужны любому городу. Действительно, сейчас распространено мнение, что Москва и Россия – две разные страны, но, несмотря на это, любому городу нужны правила землепользования, правила застройки, генеральный план и, значит, нужны городские планировщики. На этом строится развитие любого города.

Г.В.: «Урбанистика» – действительно довольно модное слово сейчас. Это круто: люди начали смотреть по сторонам и понимать, что их мир не такой красивый, не такой безупречный. Коробки и постоянная стройка, которые нас окружают, – это ненормально. Да и кому, как не Москве, нужны урбанисты, которые будут налаживать транспортную сеть? На самом деле она здесь достаточно хорошо налажена, но то, что творится вокруг города, не есть хорошо. Я считаю, что урбанистика – это тема, о которой можно поговорить с любым человеком, ведь все видят, что происходит вокруг, и у каждого есть какое-то мнение на этот счет.

– Чему и как вас учат? Что нравится в обучении, а что нет?

А.Б.: Пока все нравится. В первых модулях у нас несколько курсов: проектный семинар «Введение в городское планирование», социология, философия, история, социально-экономическая география, английский язык, а также математика и статистика. Хочется сказать больше спасибо преподавателям, которые читают общеуниверситетские курсы.

Например, философию и социологию нам преподают не школа философии и не факультет социальных наук соответственно, а факультет городского и регионального развития. Благодаря этому мы не просто рассматриваем эти предметы как обязательные для изучения, а понимаем, как это может применяться на практике, в городе. На текущий момент мне больше всего нравится, наверное, введение в городское планирование. И лекции, и семинары проводит наш академический руководитель Олег Артемович Баевский. Это полезный, как мне кажется, курс с интересными заданиями. Например, мне нужно было сделать доклад про образ города в художественной литературе, и я рассказал про образ Москвы в «Мастере и Маргарите».

Г.В.: Пока что у нас только введение во все происходящее. Из профильных дисциплин у нас сейчас есть социально-экономическая география и введение в городское планирование. На географии мы разбираем, как и с каких сторон нужно рассматривать территорию, но предмет не понравился мне из-за преподавателя – он не смог заинтересовать. А введение в городское планирование – интересная дисциплина, но редкая: одна лекция раз в две недели и два семинара. На семинарах мы делаем доклады: в первом блоке, например, ребята рассказывали о своих городах, их прошлом и будущем, перспективах. Я попал на третий блок, когда нам раздали города и нужно было проследить основные этапы их развития: как изменились границы, какая у города структура, какая планировка.

На лекциях нам дают интересные материалы для чтения, которые вводят нас в историю городского планирования и урбанистики. Мой факультет – это классное место, где у тебя есть пространство, в котором можно выбрать конкретную сферу, в которую ты хочешь в дальнейшем углубиться. Нам дают классный материал, а дальше действует такая же, как и во всей Вышке, система: хочешь – учись, хочешь – не учись.

Основываясь на опыте выпускников двух таких разных направлений, как «Экономика и математика» и «Гуманитарные науки», можно сделать вывод, что «Городское планирование» действительно подходит для людей с разным бэкграундом и складом ума! Но подходит ли она абсолютно всем? Мы решили спросить об этом Олега Баевского.

– Как понять, что «Городское планирование» – твое место?

– Прежде чем идти на программу «Городское планирование», спросите себя, хотите ли вы посвятить свою жизнь городу как феномену материальной и духовной культуры человечества, по сложности сопоставимому только с человеком.

Дарья Григорьева, Соня Дымова